

Enter Speculative Realism

ОТЛИЧИЕ от остальных наук, философия, или «поле философии», структурируется так, что «философия в целом», или «сама философия», не исчерпывается перечислением или сложением всех ее направлений, дисциплин, школ и т. п. Скажем, столкнувшись со множеством специалистов в биологии (молекулярными биологами, биохимиками, зоологами и т. д.), бессмысленно спрашивать «А кто же у вас занимается самой биологией?»: наука в точности равна сумме своих компонентов, хотя некоторые из них претендуют на большую фундаментальность, чем другие, — может наблюдаться определенный исторический дрейф значений и «передовых исследований», отдельная часть может выступать «основанием» для всех остальных, однако в любом случае «часть» не может выступать репрезентацией сущности всей сферы знания в целом. Нет особой части биологии или химии, которая была бы самой биологией или химией. В философии ситуация совершенно иная (и именно поэтому она структурно не является «наукой»): «сама философия» не только не равна сумме частей, но даже и не «больше их», то есть она не является всего лишь «эмерджентным свойством», возникающим при сложении различных способов и языков философствования. Чтобы «философское поле» оставалось философским, нужна определенная часть, возможно малозаметная или маргинальная, которая представляла бы «собственно философию», не просто «передний край», а «ее саму». Должно быть что-то в самом поле философии, на что можно было бы указать пальцем и сказать: «Да, это философия», не принимая при этом в расчет все многообразие философских языков и методов. То есть нужна *невозможная* часть, которая в пространстве специализаций выступала бы, по сути, без квалификации, видового отличия, тематической специализации, то есть «без лица», являясь абстрактной репрезентацией самой сущности философского мышления, тем, что узнается в качестве «ее самой». Такой «репрезентант целого» находится, разумеется, в двусмысленном положении: он всегда претенциозен, и на него всегда возлагаются избыточные надежды как на источник нового перераспределения собственно «философских наук». Его место, по сути, всегда вакантно и всегда *уже занято*, например, «критическим» мейнстримом, который, однако, не может убедительно «закрывать» эту вакансию, отменить ее пустоту. В некоторые исторические периоды такая избранная «часть», репрезентант «самой фи-

лософии», не совпадающий с суммой ее частей (поскольку он больше и одновременно меньше суммы), достаточно легко опознается (хотя признание уже говорит об институционализации и дисциплинарном распределении), никогда, впрочем, не становясь чем-то бесспорным: например, опознание французской философии постструктурализма в качестве «самой философии» конца XX века для определенных «частей», регионов, доминионов и дисциплин философии осталось даже не спорным, но просто нонсенсом. В 2000-х годах — на фоне утвердившейся континентальной «Теории» и превращения постструктурализма в классику (оформляемую, к примеру, десятилетними изданиями семинаров, рукописей, биографий и т. п.) — вакансия избранной (и одновременно умаляемой) части оказалась достаточно заметной: стало невозможно указать на какую-то часть и сказать, что это и *есть* философия. Восполнить эту вакансию и пришел спекулятивный реализм.

То есть «спекулятивный реализм», официальная дата рождения которого — апрель 2007 года, оказывается именно такой «репрезентативной частью» философии, претендующей на статус *самой философии* и имеющей все шансы на перформативный успех своих претензий. Может быть, пока это даже «часть части» или «набросок части». Как «нечетко определенный зонтичный термин» (выражение Грэма Хармана), обозначающий группу современных авторов, работ, стратегий мышления, он оказался где-то посередине между стихийно складывающимися «течениями» или учениями (такими как феноменология или «постмодернизм») и кружками-группами (Венский кружок, Тартуская школа и т. п.). Нельзя сказать, что это лишь общий стиль, умонастроение, поворот, пусть и отмеченный именами авторов и «ключевыми» произведениями, но это и не круг единомышленников, которые бы долгое время встречались и дискутировали, чтобы потом выступить перед широкой интеллектуальной публикой с единой программой. История появления «спекулятивного реализма» как брэнда описывалась неоднократно, в основном Харманом¹. Агиография встреч и прочтений уже сложилась, но группа осталась открытой, пролонгируемой и, более того, парадоксальной: кажется, что даже основные агенты находятся на грани разрыва и исключения, поскольку продолжают не соглашаться с условным консенсусом. Интересно то, что эта «размытость» движения не скрывает проективности: мы имеем дело с поворотом, который исходно *конструирует себя* в качестве поворота, то есть мыслит себя в качестве того, что изменит в конеч-

1. Harman G. Quentin Meillassoux: Philosophy in the Making. Edinburgh: Edinburgh University Press, 2011. P. 77 слл. См. также нашу рецензию на «После конечности» Мейясу: Кралечкин Д. Спекулятивный абсолют и порочный круг философии. URL: <http://censura.ru/articles/apresfinitude.htm>, где упоминается и юмористическая история, представляющая «спекулятивный реализм» своеобразным маркетинговым изобретением. Наиболее развернутая рефлексия истории и структуры спекулятивного реализма представлена в коллективном сборнике «Спекулятивный поворот»: The Speculative Turn: Continental Materialism and Realism / L. Bryant, N. Srnicek, G. Harman (eds.). Melbourne: re.press, 2011.

ном счете именно «фон» любой философской дискуссии. Так что, как любит фантазировать Харман, через пятьдесят лет останутся не сторонники и противники спекулятивного реализма, а лишь представители различных лагерей внутри него. Подобная проективность спекулятивного реализма авторам «старой закалки» может показаться чем-то назойливым и даже наглым. И правда, разве можно так запросто претендовать на изменение давно укоренившихся привычек, правил, комильфо философии, навязывать сами границы «интереса», заявляя, что интересное вчера сегодня таковым уже не является? Не присуще ли «фону» философии меняться самостоятельно и независимо, в результате накопления разнонаправленных усилий и интенций, а не под дудку новоявленных «радикалов»? И в самом деле, не исключено, что поворот, совершаемый спекулятивными реалистами, приведет-таки к радикальной трансформации в философской рефлексии, но в каком-то другом смысле, немислимом сейчас.

Логика «части», представляющей все целое (и соответственно, предполагающей, что в самом целом этого целого уже или еще *нет*), накладывает определенные ограничения на тематическое представление спекулятивного реализма: его «конкретные» исследования вписаны в ту синекдоху, в которой каждый *специальный* вопрос должен обращаться *родовой* трансформацией философского предприятия. Так, Мейясу начинает с чуть ли не буквального повторения кантовского жеста — возможности обоснования суждений точных наук, выбирая такие примеры (суждения о реалиях, существовавших до всякого сознания и всякой структуры данности), которые при всей их частности не могут, по его мнению, быть вписаны в любой из кантовских и посткантовских проектов, а потому являются своеобразным философским «скандалом». Его движение можно представить и как стандартную для аналитической философии операцию «определения значения» того или иного суждения, но совершается оно в рамках стратегии, направленной на оспаривание «минимального» ядра самой философии — логики опыта, трансцендентального фундирования или «корреляции», которая охватывает «всю философию», начавшуюся с Канта и не закончившуюся на Деррида. Точно так же Мейясу вписан во французскую традицию философской математики — от Альбера Лотмана до Алена Бадью, — но логика «хаоса» подключается им к решению (или вскрытию) проблем, которые, казалось бы, давно уже похоронены в общем «философском наследии», — в частности, проблемы Юма. Результатом, опять же, должно стать изменение общего горизонта философии «в целом». «Частное», то есть тематическое, движение Хармана, на сегодняшний день, пожалуй, наиболее активного участника «спекулятивного реализма», также составляется из вполне конкретных решений и ходов на границе двух феноменологических проектов — хайдеггерианского и гуссерлианского. Юмор в том, что эта проблематическая граница обнаруживается именно в «объекте» («просто объекте»), недостижимом — хотя по разным причинам — и для Гуссерля, и для Хайдеггера. Но речь, опять же, не об уточнении или дополнении «теории объекта» (или тем более «формальной онтологии», хотя Хармана можно представить именно как формально-

го онтолога), но, скорее, о том, что этот частный «объект», «объект как таковой», пограничный для самых разных описаний, в силу самого своего экстерриториального для философии статуса оказывается архимедовой точкой опоры, на которой можно закрепить рычаг для концептуального переворота. Подобные стратегии, пусть и на ином содержании, развертывают и два других «основателя» (или, скорее, «подписанта») спекулятивного реализма — Рэй Брасье и Йен Гамильтон Грант.

То есть мы имеем дело не с тем, что можно было бы запросто назвать «поворотом», хотя наиболее репрезентативный сборник спекулятивного реализма так и назван — «Спекулятивный поворот». Лингвистический и прочие повороты было легко определить предметно. Теперь же, помимо общности стратегического движения, есть лишь один общий знаменатель — общий враг, на борьбу с которым призваны разные войска, а некоторые авторы, такие как Мануэль Деланда или Изабель Стенгерс, участвовали в «спекулятивном крестовом походе», похоже, еще до его объявления. Разумеется, враг этот не слишком страшный — вроде бы «корреляционизма» на философских факультетах в чистом виде не водится, так что от этой игрушечной войны можно было бы и отмахнуться. И все же нельзя не заметить, что спекулятивные реалисты в чем-то схватили дух времени (или сами создали его своими акциями), в котором за слишком многими «блестящими исследованиями» ощущается какой-то тупик, заданный не чем иным, как всем комплексом философских решений и стратегий, которые годами оформляли базовые привычки начинающих философов. Мейясу упоминает о том, что горячо любимая им феноменология выстроила систему «устрашения», которая обрабатывала всякого вступающего в круг философии. В этом смысле феноменология (и прочие варианты корреляционизма) — нечто вроде курса «Основ безопасности и жизнедеятельности» для любого начинающего философа, который был обязан сдать по нему зачет. Главное для философии — отказаться от наивности, не смешивать свои занятия с другими науками, понимать, что, собственно, представляет собой рефлексия, и, главное, не думать, будто есть какие-то вещи, реальность и прочие забавные изобретения догматического ума. И всё бы хорошо, если бы это были просто педагогические практики, исправляемые несколькими административными актами, — нет, речь о самых крупных ставках, разыгрываемых в философском тотализаторе на протяжении уже нескольких столетий и определяющих то, что, собственно, и называется философией. Спекулятивный реализм позволяет объединить, синонимизировать все эти ставки, показывая, что все они исчисляются в одной и той же валюте. Но в конечном счете он претендует на то, чтобы изменить сами правила игры и даже закрыть этот тотализатор.

До сего момента различные версии «реализмов», «натурализмов», спекулятивных философий и т. п. занимали подчиненное положение по отношению к философскому мейнстриму, складывающемуся в большую фигуру Критики (от Канта до Деррида) или Теории (как континентальной философии в целом). Они выглядели то ли осколками схоластического прошлого, то ли случайными отклонениями, запу-

тавшимися в собственных словах. В любом случае их авторы не хотели воевать, так что после Канта метафизика, как наука о «вещах как они есть», стала чем-то частным или же была погружена в более общую посткритическую игру (как в аналитической философии). Казалось, что у каждого Ньютона есть, конечно, право на свой теологический огород, а каждый Уайтхед-математик может в свободное время заниматься маловразумительной метафизикой «процесса», но это его личное дело или даже личная беда, самое большее — «идентичность». Сегодня же все эти философские меньшинства не просто требуют признания и прав, они специально объединяются, чтобы войти в плотный контакт со своим врагом, действуя уже непосредственно на его территории. Спекулятивные размышления не могут быть частным делом, они — то, что определяет границу «общей» философии, но лишь потому, что теперь они и сами не желают мириться с «частным» статусом, а мыслят себя в качестве глобального «хакинга», взлома и перекодирования философской Теории. Главное — найти в ней побольше уязвимостей, чтобы заставить ее работать так, как сама она никогда не предполагала. То же самое и с реализмом — это уже не старый добрый реализм, где все понятно, а хакнутый реализм объектов, которые, вообще говоря, на вещи-то не особенно и похожи. Ориентиром тут становится сдвиг к «странному» (*weird*) реализму, доказывающему, что реальность за пределами данности (или корреляции) гораздо страннее, чем можно подумать.

В некотором смысле спекулятивный реализм можно представить по аналогии с делёзовской (и не только) стратегией выстраивания альтернативной философии, когда мейнстриму (Кант — Гегель — Хайдеггер) противопоставляются философские и научные миноритарии, например Лукреций, Ницше, Габриель Тард, Жоффруа Сент-Илер и т. д. Но тогда они были лишь «побежденными», которые расшатывали монолитность мейнстрима. Сегодня же миноритарии специально собираются вместе, чтобы — на манер прочих альтерглобалистов и пиратских партий — поквитаться с большими корпорациями, например феноменологией или деконструкцией, играя на их поле. Может быть, не все мы станем участниками спекулятивного поворота, но точно то, что казавшийся очевидным еще в конце прошлого века прогноз, предполагавший постепенное распространение, утверждение и институционализацию континентальной философии в XXI веке (представленной прежде всего французской философией второй половины XX века), никогда не сбудется. Деррида и Фуко не грозит превратиться в вводный курс по философии, поскольку деконструкция деконструкции только начинается, и проходить она будет по неизвестным лекалам и с неведомыми последствиями. Лед тронулся, ну или, по крайней мере, в нем начали сверлить лунку.

* * *

Изучать спекулятивный реализм так, словно бы он уже состоялся, бессмысленно, как и пытаться дать обобщенную сводку различных стратегий — как «основных» авторов (Мейясу, Брасье, Хармана и Гранта), так и присоединившихся или присоединенных, сочувствующих или

случайных попутчиков. Полезнее, возможно, сосредоточиться на отдельных, но при этом «прорывных» пунктах, концептуальных метах спекулятивного реализма, описав их окрестности, в которых возможно то или иное теоретическое движение. Выбор таких мест и мет может оставаться произвольным или самоочевидным, но в каждом случае важно вскрыть напряжение той борьбы, в которой, возможно, предстоит участвовать. Начать предлагается с Мейясу, пожалуй главного борца с корреляционизмом, безоглядно влюбленного в своего врага. В одном из предлагаемых текстов выписана общая конфигурация самой проблемы хорошо подготовленного «джейлбрейка» из темницы конечности («Мейясу и экономия конечности»). В другом представлена «внешняя критика» Мейясу с позиций более традиционного — марксистского — реализма («Против спекулятивизма»): в самом деле, почему Мейясу — не Ленин? Текст самого Мейясу «Дилемма призрака» раскрывает фон проблематизации, развернутой в «После конечности», и одновременно выступает связующим звеном между этой работой и неопубликованной рукописью «Божественное несуществование», которую сам автор, по его словам, продолжает редактировать и переписывать не покладая рук. Наконец, последняя, недавно опубликованная книга Мейясу «Число и сирена», посвященная анализу знаменитого «Броска костей» Малларме, препарируется в «Мече херувима», где одновременно намечена траектория более радикального онтологического решения, нежели то, что предложено теорией контингентности. Похоже, что спекулятивный реализм невозможен без старого советского лозунга: «Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас!».

Продолжение следует.

Дмитрий Кралечкин